

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение  
высшего образования  
«Тольяттинский государственный университет»  
Институт права  
\_\_\_\_\_  
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»  
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция  
\_\_\_\_\_  
(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовой  
\_\_\_\_\_  
(направленность (профиль) / специализация)

## ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Доказательства в уголовном процессе»

Студент

Т.Е. Малычев

\_\_\_\_\_  
(И.О. Фамилия)

\_\_\_\_\_  
(личная подпись)

Руководитель

д-р юрид. наук, профессор, А.М. Моисеев

\_\_\_\_\_  
(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021



**Росдистант**  
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

## Аннотация

Целью настоящего исследования выступает совершенствование действующего правового регулирования института доказательств в уголовном судопроизводстве.

Для достижения вышеуказанной цели, представляется необходимым выполнить следующие задачи: определить понятие и охарактеризовать доказательств в уголовном процессе, рассмотреть различные классификации доказательств, проанализировать такие свойства доказательств, как относимость и допустимость доказательств, проанализировать достоверность и достаточность доказательств, рассмотреть проблему электронных документов как доказательств в уголовном процессе, рассмотреть проблемные аспекты оценки доказательств в уголовном судопроизводстве.

Структура работы обусловлена поставленной целью и задачами и состоит из введения, основной части разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников. В свою очередь, первая глава посвящена вопросам общей характеристики доказательств, их понятию, признакам и классификации, вторая глава – вопросам оценки доказательств на предмет относимости, допустимости, достаточности и достоверности. В третьей главе рассматриваются отдельные проблемы использования доказательств в уголовном процессе.

## Оглавление

Введение .....	4
Глава 1 Общие положения о доказательствах в уголовном процессе.....	8
1.1 Понятие и характеристика доказательств в уголовном процессе.....	8
1.2 Классификация доказательств .....	16
Глава 2 Требования, предъявляемые к доказательствам в уголовном судопроизводстве .....	25
2.1 Относимость и допустимость доказательств .....	25
2.2 Достоверность и достаточность доказательств .....	31
Глава 3 Проблемные вопросы использования доказательств в уголовном процессе .....	36
3.1 Электронные документы как доказательства в уголовном процессе.....	36
3.2 Проблемные аспекты оценки доказательств в уголовном судопроизводстве .....	41
Заключение .....	53
Список используемой литературы и используемых источников .....	58

## Введение

Согласно закреплённому в части первой статьи 49 Конституции РФ, одному из основополагающих принципу отечественной правовой системы, «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [25]. Иными словами, соблюдение правила доказанности вины лица в совершении преступления, является тем необходимым условием, при котором в отношении человека могут быть предприняты наиболее суровые меры юридической ответственности – уголовной.

Таким образом, лицо может быть признано виновным в совершении преступления только и исключительно, в случае если, его вина в совершении преступления будет подтверждена надлежащей совокупностью доказательств. При этом, способы и методы совершения преступлений постоянно развиваются и «совершенствуются». Как показывает практика, преступность в целом становится более интеллектуальной, постоянно приспособливается под «изъяны» и несовершенство отечественного законодательства. Не является в этом плане исключением и институт доказывания и доказательств в уголовном процессе. Например, до настоящего момента, на смотря на масштабную цифровизацию экономики и общественной жизни, постоянное увеличение объёмов информации и хранящейся в «электронном» цифровом виде, в уголовном процессе законодательно однозначно не разрешён вопрос о правовом статусе «электронных доказательств». Рассмотрению данного вопроса, среди прочего, будет посвящено настоящее исследование.

Кроме того, необходимо отметить наличие в институте уголовно-процессуального доказывания и доказательств множества проблем фундаментального характера, которые сопровождают отечественную уголовно-процессуальную доктрину уже не одно десятилетие. До настоящего момента в науке имеют место «жаркие» споры относительно понимания

сущности и содержания доказательств. Казалось бы, одна из наиболее свежих и актуальных проблем допустимости использования в доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности насчитывает историю в более чем два десятка лет, написано множество диссертаций и других фундаментальных исследований, а к однозначному решению проблемы, ни научное сообщество, ни законодатель ещё не пришли.

Не оставляют в покое и проблемы оценки доказательств, прежде всего, на предмет их допустимости. В отечественном уголовном процессе реализована концепция формалистского подхода к оценке допустимости доказательств в уголовном процессе. При этом, сама концепция и содержание норм Уголовно-процессуального кодекса РФ определяющего правило «допуска» сведений в сферу доказательств по уголовному делу способом установления критериев недопустимости доказательств, также вызывает множество вопросов.

Также немаловажным является то, что правовые нормы, регулирующие вопрос доказательств, имеют непосредственное практическое содержание, от правил составляющих институт доказательств, во многом зависит эффективность и качество реализации обозначенного выше конституционного предписания о необходимости доказывания вины лица в совершении преступления.

Степень изученности проблем института доказательств в уголовном процессе находится на высоком уровне. При этом в качестве основного предмета внимания учёного сообщества, в настоящий момент, выступает вопрос допустимости доказательств и наиболее правильных критериев их допустимости. Обозначенной проблеме, только за последние годы, посвятили свои труды такие учёные, как П.А. Лупинская, И.Г. Рогава, Д.А. Кругликова, Д.В. Яловая, Р.Е. Костенко, С.А. Сущенко, В.В. Терехин, М.А. Нагоева, И.Н. Озеров, Е.А.Черкасова, И.Ю. Капустина, А.М. Шамаев, С.А. Шейфер и другие.

Близкой к проблеме допустимости доказательств выступает вопрос об окончательном определении доказательственного статуса результатов ОРД в уголовном судопроизводстве. Данной проблеме посвящены труды следующих учёных: В.Н. Григорьев, В.В. Уткин, В.Ю. Стельмах, Т.О. Чистанов, А.В. Карпинчик, В.А. Биляев и многих других.

Также необходимо отметить, то до настоящего момента, научную ценность представляют труды советских учёных процессуалистов, посвящённых различным проблемам доказательств и доказывания в уголовном процессе, а именно: Ф.Н. Фаткуллин, Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, П.С. Элькинд, В.С. Балакшин, В.Я. Дорохов, Н.П. Кузнецов, Н.В. Жогина, А.Д. Бойкова, И. И. Карпеца, М.С. Строгович, И.Л. Петрухин, Д.И. Бедняков, П.С. Элькинд и других.

Кроме обозначенных учёных, общими вопросами доказательств и доказывания в уголовном процессе в современный период отечественной истории, уделили внимание следующие учёные: Е.В. Брянская, Ю.В. Шелегов, Т.Н.Нгуен Иен, С.В. Некрасов, С.А. Шейфер, В.А. Лазарева, И.Б. Михайловская, А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский, Б.Т. Безлепкин, Ю.К. Орлов, П.А. Lupинская, Н. Власова, Н.А. Гоомов, А.М. Ларин, Э.Б. Мельникова, В.М. Савицкий, О.В. Левченко, Н.В. Григорьева, М.А. Нагоев, О.В. Левченко, Д.А. Мезинов, Р.Я. Мамедов и другие.

Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с функционированием института доказательств в уголовном процессе.

В свою очередь, к предмету исследования относятся те нормы права, которые регулируют общественные отношения, относящиеся к предмету исследования. Такие нормы права, прежде всего, содержатся в Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 года (далее – Конституция РФ), а также в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18.12.2001 года № 174-ФЗ (далее – УПК РФ), в федеральных законах о внесении изменения в УПК РФ, в Федеральном законе от 1 июля 2021 г. № 252-ФЗ «Об

оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») и в других нормативных правовых актах различной юридической силы. Кроме того, предметом исследования выступает судебная практика оценки доказательств на предмет их допустимости, достоверности, относимости и достаточности.

Целью настоящего исследования выступает совершенствование действующего правового регулирования института доказательств в уголовном судопроизводстве.

Для достижения вышеуказанной цели, представляется необходимым выполнить следующие задачи:

- определить понятие и охарактеризовать доказательств в уголовном процессе;
- рассмотреть различные классификации доказательств;
- проанализировать такие свойства доказательств, как относимость и допустимость доказательств;
- проанализировать достоверность и достаточность доказательств;
- рассмотреть проблему электронных документов как доказательств в уголовном процессе;
- рассмотреть проблемные аспекты оценки доказательств в уголовном судопроизводстве

В качестве научных методов в исследовании использовались методы диалектики, анализа и синтеза, логики, формально-юридический, историко-правовой, а также сравнительно-правовой методы.

Нормативную основу исследования составила Конституция РФ, УПК РФ, УПК РСФСР, ФЗ «Об ОРД», ФЗ «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и другие нормативно-правовые акты различной юридической силы.

Структура работы обусловлена поставленной целью и задачами и состоит из введения, основной части разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

## **Глава 1 Общие положения о доказательствах в уголовном процессе**

### **1.1 Понятие и характеристика доказательств в уголовном процессе**

В результате проведённого анализа установлено, что большинство отечественных учёных ассоциируют появление в уголовном деле доказательств с уголовно-процессуальным доказыванием. Так, например, И.Г. Рогова и Д.А. Кругликова определяют доказывание по уголовным делам как «познание события прошлого, осуществляемого по отображениям события совершенного общественно опасного противоправного деяния, которое оставило след на материальных объектах, в явлениях, процессах и в сознании людей» [47, с. 169]. В этой связи, представляется, что именно отображение события прошлого, облачённого в определённую форму и имеющее определённый источник, и может именоваться доказательством.

Прежде чем перейти к рассмотрению доктринальных воззрений относительно природы и понятия доказательств в уголовном процессе, рассмотрим их законодательное определение. Так, согласно ст. 74 УПК РФ, уголовно-процессуальные доказательства определены как «... любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [58].

Иными словами, доказательства по своему содержанию представляют собой информацию относительно определённого события, при этом, значение о том, какая именно эта информация, нет (указано – «любые сведения»). Главный критерий такой информации – она должны быть «полезна» для целей доказывания – установить наличие или отсутствие определённых обстоятельств. При этом, перечень таких «обстоятельств» условно «закрытый». С одной стороны, это перечисленные в ст. 73 УПК РФ



обстоятельства, с другой стороны – и все другие, которые могут иметь значение для дела. Также важным является указание на то, что такие «любые сведения», относимые к имеющим значение обстоятельствам, однако используются для их определения только «в установленном порядке». Данное словосочетание может трактоваться только как требование к «любым сведениям», которые уже не любые, а только те, которые могут использоваться в установленном порядке.

Т.е., если по каким-то причинам или в силу прямого указания закона, какие-либо из сведений не могут использоваться в доказывании, они уже не являются доказательствами. По крайней мере, буквальный логико-семантический анализ правовой нормы изложенной в ч. 1 ст. 74 УПК РФ, говорит именно об этом. С большей долей вероятности, к таким «неправильным» сведениям могут быть отнесены недопустимые доказательства, например, полученные с грубым нарушением порядка их получения предусмотренного УПК РФ, либо недопустимые в виду самого характера таких сведений. В качестве такого примера можно назвать информацию, составляющую адвокатскую тайну, которая была получена у адвоката, показания лиц, которые не могут быть допрошены в качестве свидетелей, сведения, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности, но не облаченные в уголовно-процессуальную форму, т.е. не «легализованные» и т.п.

Иными словами, возможных сведений относимых к совершённомu преступлению много, но не все и не всегда их можно использовать как в силу закона, так и исходя из характера таких сведений. Применительно к последнему аргументу, отметим, что даже принимая во внимание современный уровень достижений науки и техники, человек ещё далёк от овладения приёмами и способами получения достоверных знаний относительно множества явлений природы, закономерностей законов физики и химии. В связи с этим, даже сейчас возможности многих судебных экспертиз ограничены и «упираются» в критерий достоверности получаемого

результата. В этом аспекте, в качестве примера, можно указать на возможность фиксации сведений о запахе (следов запаха) как полноценных вещественных доказательств, о возможности фиксации и оценки психо-физического состояния допрашиваемого лица для определения признаков лжности или правдивости его показаний и многое другое.

В этой связи также отметим, что предложенная законодателем формулировка «любые сведения» критикуется многими учёными. Например, указывается, что «основным недостатком понятия доказательств в уголовном судопроизводстве является то, что в легальном их определении под ними понимаются «любые сведения» (статья 74 УПК РФ), однако в последующих статьях накладываются признаки, без которых они таковыми признаны быть не могут. Предлагаем убрать из дефиниции слово «любые» и оставить просто «сведения»» [47, с. 171].

Р.Е. Костенко отмечает несовершенство законодательного определения термина «доказательство», поскольку согласно ст. 74 УПК РФ, последние представляют собой «любые сведения», а в ч. 2 ст. 74 УПК РФ содержится противоположное утверждение о том, что доказательствами могут выступать только ограниченный «перечень» сведений (имеется в виду конкретные виды доказательств) [21, с. 9]. В связи с этим, Р.Е. Костенко также приходит к выводу о том, что в ч. 1 ст. 74 УПК РФ идёт речь именно о содержании доказательства (образ или отображение образа), но не об их форме [21, с. 9]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в ч. 1 ст. 74 УПК РФ, доказательства раскрываются только с одной «стороны», в аспекте их содержания.

И.Г. Рогава и Д.А. Кругликова также ставят под сомнение целесообразность использования формулировки «любые сведения», обращают внимание на то, что ранее в УПК РСФСР 1960 года характеризовался более точным понятием «фактические данные» [59]. По их мнению, «данный признак устанавливает запрет на использование в качестве доказательств по уголовному делу мнения, догадки, предположения. Однако,

они «не сбрасываются со счетов», поскольку позволяют обнаруживать и получить судебные доказательства. Сведения, полученные из законного источника, образуют доказательственный факт, который является доказательством по уголовному делу (т.е. уже проверенные сведения, достоверность которых сомнения не вызывает).

Поскольку фактические данные по уголовному делу должны «добываться» путем производства четко предусмотренных УПК РФ процессуальных действий, то с отступлением от установленной законом процедуры, достоверность доказательственного материала оказывается под сомнением». Анализируя данную позицию, отметим, что, возможно, вводя словосочетание «любые сведения» при принятии действующего УПК РФ, законодатель стремился «открыть дорогу» в уголовный процесс новым «прогрессивным» видам доказательств, основанным на научном прогрессе, придать тем самым «гибкости» и современности уголовно-процессуальному доказыванию. Более того, если рассматривать термины «любые сведения» и «фактические данные» в контексте сущности правовых систем, то первая категория больше подходит для французской правовой системы, перечень и виды доказательств в которой чётко и системно не регламентированы (для французского уголовного процесса важно чтобы при получении информации о совершённом преступлении соблюдался порядок её получения (процедура, процессуальная форма) и таким образом, доказательство признаётся допустимым). В противовес такой концепции, в германском уголовном процессе чётко и предельно ясно определены виды и перечень доказательств, критерии их допустимости исходя из их существа, процессуальная форма получения таких доказательств менее «зарегламентирована», фактически вопрос о допустимости собранных в процессе расследования дела доказательств решается уже судом.

В свою очередь, отечественная правовая система в период её активного формирования в середине 19 века большую часть принципов заимствовала от германской правовой системы, с небольшой «долей» французского права. В

связи с этим, в УПК РФ 2001 года полноценного перехода с условно «германской модели» понимания доказательств на «французскую» не случилось, поскольку смена «вывески» (с «фактических данных» перешли на «любые сведения») не повлекла за собой существенного изменения содержания остального нормативного регулирования относительно конкретных видов доказательств и правил их получения.

Подводя промежуточный итог, отметим, что используемая в ст. 74 УПК РФ формулировка «любые сведения» вызывает сомнение, особенно в контексте того, что в этой же норме, допустимые процессуальные формы существования таких сведений приводятся в «закрытом» перечне.

Далее отметим, что учёными выделяются и другие, не поименованные в УПК РФ признаки доказательств. Например, И.Г. Рогава и Д.А. Кругликова, полагают, что «доказательства в уголовном процессе должно обладать признаком достоверности, которые нигде не раскрываются» [47, с. 170]. Также указывается, что «достоверность - это не признак понятия доказательства, а результат его, доказательства, оценки» [47, с. 171]. Если рассмотреть этимологическое значение термина «достоверность», то в словаре С.И. Ожегова указывается, что достоверный – это «верный, не вызывающий сомнения» [40, с. 158]. В философском энциклопедическом словаре достоверность определена как «обоснованность, доказательность, бесспорность знания. Достоверное суждение – такое суждение, в котором выражается прочно обоснованное знание» [61].

Исходя из такого понимания достоверности доказательства, И.Г. Рогава и Д.А. Кругликова пришли к выводу о том, что «доказательством по уголовному делу являются лишь сведения и факты, которые удостоверены вступившим в законную силу приговором суда. А, следовательно, все, что на законном основании было представлено следователем и дознавателем, то, на чем основывали версии и свои решения, каждый день исследовали, оценивали и анализировали, - не являются доказательствами» [47, с. 171].

Однако с таким категорическим суждением невозможно согласиться. Как известно, в силу положений УПК РФ, доказательства подлежат последующей оценке, они могут быть признаны недопустимыми и допустимыми, они могут быть поставлены под сомнение и «отвергнуты» судом в описательно-мотивировочной части судебного решения. Иными словами, доказательства, вовлечённые в уголовный процесс, подлежат постоянной оценке со стороны участников уголовного судопроизводства и итоговым результатом такой оценки будет являться решение суда разрешающее дело по существу (определяющее виновность или невиновность лица). При этом сам признак «достоверности» представляется в качестве существенного, однако он может быть установлен только по результатам оценки доказательств, а, следовательно, достоверность – это то, чему доказательство должно соответствовать.

Уголовный процесс изначально предполагает возможность существования доказательств, которые в последующем могут быть оценены в качестве достоверных и недостоверных. Это связано с тем, что право предоставлять доказательства по делу принадлежит обвиняемым, потерпевшим, является обязанностью стороны обвинения. В условиях состязания стороны обвинения и защиты, часто возникает ситуация существования в уголовном деле доказательств, которые противоречат друг другу. В свою очередь, в итоговом решении суда, последний оценивает доказательства, но не лишает часть из них статуса доказательства по причине оценки их в качестве недостоверных. Иными словами «достоверность» и «недостоверность» может быть интерпретирована как свойство доказательств, результат их оценки.

Анализ доктринальных воззрений на понимание существа доказательства, показывает, что большинство учёных неотъемлемо ассоциирует его с внешним выражением, с его формой. Например, в докторской диссертации 2006 года, Р.Е. Костенко приходит к выводу, что доказательство «существует и выражается в форме и неотделимо от неё.

Можно сказать, что в доказательствах в полной мере находит свою реализацию философский закон единства формы и содержания. Поэтому доказательства в уголовном процессе не могут существовать исключительно в виде своего содержания или в виде формы. Для полноценной структуры доказательства должны одновременно состоять из содержания и формы» [21, с. 9]. К данному пониманию учёный приходит исходя из того, что доказательство представляет собой определённые сведения, которые отображают определённый образ и, вместе с тем, для их восприятия также должны иметь определённую форму.

В свою очередь, форма доказательства определяется учёным как «способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его выражением, представляет собой источник сведений об обстоятельствах и фактах, имеющих значение для правильного разрешения дела» [21, с. 10]. При этом, Р.Е. Костенко указывает на недопустимость ассоциации таких терминов как «форма доказательства» и «источник доказательства» [21, с. 10].

Напротив, Т.Н.И. Нгуен предлагает закрепить в УПК РФ законодательное определение термина «источник доказательств», определив его как «процессуальную форму, посредством которой сведения, признаваемые доказательствами, вовлекаются в сферу процессуального доказывания» [37, с. 12]. Представляется, что закрепление соответствия формы и источника доказательств будет неверным, поскольку, например, протокол следственного действия представляет собой процессуальную форму существования доказательств, но доказательства (сведения) исходят не от следственного протокола, а от человека (свидетеля, потерпевшего, обвиняемого и т.п., от предметов и обстановки на месте происшествия и т.п.).

Отметим, что понимание доказательства как определённый «синтез» его содержания и формы, является превалирующим среди отечественных процессуалистов. Ю.В. Щелегов определяет уголовно-процессуальное доказательство следующим образом: любая информация, прямо или опосредованно, через промежуточные факты, устанавливающая

обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, и иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, полученная от подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста, гражданского истца и гражданского ответчика, любых материальных объектов и информационных носителей и зафиксированная в установленном законом порядке в форме соответствующих протоколов и заключений, отвечающая требованиям относимости, допустимости и достоверности» [69, с. 10-11].

Анализируя данный подход, отметим, что различие между терминами «сведения» и термином «информация» выглядит несущественными. Особенностью данного подхода является то, что учёный включает в определение как источники доказательств (т.е. субъекты и объекты материального мира от которых соответствующая информация «исходит»), так и их форму, указывая на необходимость фиксации такой информации в установленной форме, а также необходимость соответствия такой информации требованиям, предъявляемым к доказательствами (относимость, допустимость и достоверность).

Далее отметим, что в уголовно-процессуальной доктрине существует и позиция о целесообразности отхода от законодательного определения доказательства. В качестве наиболее наглядного примера, обратимся к диссертационному исследованию В.В. Терехина 2016 года, который пришёл к выводу о том, что в случае принятия предлагаемого им судебного стандарта допустимости (когда вопрос о допустимости доказательства, сведений, предоставляемых судье, будет решаться судьёй), отпадает реальная необходимость «в нормативном определении доказательства как универсального для досудебного и судебного производств понятия» [53, с. 18].

Кроме того, В.В. Терехин отмечает, что «сведения могут быть предоставлены судье в любом виде, на любом носителе, главное, чтобы была возможность их верификации в судебном заседании и установления аутентичности. Доказательства могут быть получены субъектами доказывания

откуда угодно; важно только, чтобы в суде можно было проверить их источник, способ получения и последующей передачи суду. Форма, в которой будет зафиксирована и предоставлена суду доказательственная информация, должна быть такой, чтобы позволяла суду и оппоненту проверить достоверность и полезность информации» [53, с. 19]. Рассматривая данное предложение, отметим, что в данном случае фактически идёт речь о реализации французской модели допустимости доказательств, когда последние как законодательное понятие отсутствует и главным критерием признания получаемых сведений доказательствами является не нарушение установленных запретов при их получении (прав и свобод личности при их получении, принципов уголовного процесса). Представляется, что в настоящий момент, отечественная правовая система и правоприменитель не готовы к внедрению такой «модели» доказательственного права в силу сформированного за многие года правосознания, правовой культуры и правового опыта применения совсем другой парадигмы уголовного процесса. Однако, ситуация, когда правила признания и оценки доказательств выглядят более «гибкими» может способствовать как проявлению коррупционной составляющей, так и формированию более справедливого судебного процесса. Всё зависит от того, как именно и с каким успехом соответствующую реформу удастся внедрить.

Представляется, что на данном историческом этапе отечественный уголовный процесс нуждается в законодательном определении доказательства, что в целом не исключает возможности широкого подхода к его пониманию.

## **1.2 Классификация доказательств**

Рассматривая классификацию доказательств, отметим, что основным и наиболее распространённым их делением выступает разграничение доказательств на прямые и косвенные. Однако среди учёных и практиков не



существует однозначного понимания о том, по какому критерию необходимо классифицировать такие доказательства.

Одни учёные считают, что прямые доказательства это те, которые, при условии их достоверности, прямо подтверждают или опровергают обстоятельства, которые необходимо установить по уголовному делу (как предусмотренные ст. 73 УПК РФ, так и другие) [60, с. 141]. Например, Ю.В. Щелегов определяет косвенные доказательства следующим образом: «это полученная и закреплённая в определенном законом порядке информация, имеющая опосредованную многозначную связь с предметом доказывания. Косвенные доказательства непосредственно указывают на промежуточные факты, которые в силу своей объективной связи с предметом доказывания в своей совокупности способны достоверно установить обстоятельства, подлежащие доказыванию» [69, с. 11].

Позволим себе частично не согласиться с предложенным определением. Представляется, что исключительно посредством косвенных доказательств достоверно установить факт, подлежащий доказыванию, не представляется возможным. На то эти доказательства и «косвенные». Однако любые доказательства, в т.ч. и косвенные, могут способствовать установлению данного факта, например, через проверку и подтверждение основных «прямых» доказательств.

Противоположную позицию высказывает О.В. Левченко, которая полагает, что «более правильным, как нам представляется, считать основанием деления доказательств на прямые и косвенные отношение их к факту совершения или не совершения лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, действия (бездействия), предусмотренного уголовным законом. Такой подход к делению доказательств на прямые и косвенные ведёт к упорядочиванию процесса доказывания, облегчению мыслительной, логической стороны этого процесса, повышению значения прямых доказательств по делу» [29, с. 111]. Однако, такой подход имеет как свои сильные, так и слабые стороны. Обратим внимание на то, что при

предлагаемом подходе О.В. Левченко, например, доказательства того, что обвиняемый может нарушить условия нахождения на мере пресечения не связанной с ограничением свободы и незаконно влиять, например, на свидетелей, является косвенным, поскольку не связано с доказыванием основного факта- совершил или не совершил обвиняемый преступное деяние.

Как отмечает Е.В. Брянская, «в основу деления положено различие структуры обоснования доказываемого обстоятельства. Прямые доказательства обосновывают ближайший тезис, косвенные – как ближайший, так и последующие. В судебной практике сложились правила использования косвенных доказательств в процессе доказывания. Во-первых, косвенные доказательства могут быть положены в основу вывода о доказанности соответствующих фактов по уголовному делу лишь при условии, если представлены в виде определенной совокупности. Во-вторых, косвенные доказательства должны находиться в логичной взаимосвязи и представлять собой определенную систему. В-третьих, каждое косвенное доказательство должно находиться не в случайной, а в причинной связи с доказываемым фактом. В-четвертых, в результате анализа системы косвенных доказательств должен вытекать точный вывод о доказанности того или иного факта, входящего в предмет доказывания» [11, с. 187].

Представляется, что в данной ситуации необходимо исходить из того, что деление доказательств на прямые и косвенные, в большей степени, является потребностью правоприменительной практики и ею же изначально и было выработано, а в последствии, подвержено научному познанию.

В связи с этим, например, в суде, при рассмотрении уголовного дела и решении вопроса о виновности человека, стороны в процессе состязательного процесса, стороны и суд «разбирали» имеющиеся в деле доказательства на те, которые прямо свидетельствуют о совершении лицом преступления или опровергают данный факт (например, показания свидетеля обвинения, который утверждает, что видел момент совершения преступления обвиняемым и показания свидетеля обеспечивающего алиби, который

утверждает, что обвиняемый в момент совершения преступления, находился с ним в другом месте), и не прямые, т.е. косвенные (например, показания третьего свидетеля, который видел обвиняемого незадолго до совершения преступления в третьем месте, «косвенность» такого показания заключается в том, что исходя из факта нахождения обвиняемого в определённом месте, можно, во-первых, проверить показания каждого из двух предыдущих свидетелей, во-вторых, определить мог ли обвиняемый преодолеть определённое расстояние с учётом имеющегося «запаса» времени к месту преступления и если да, то каким образом и т.п.).

Иными словами, потребность разделить показания на прямые и косвенные, обусловлена практической необходимостью разбора конкретной ситуации доказывания и таким же образом может быть произведена, например, при рассмотрении судом вопроса об избрании обвиняемому более строгой меры пресечения, когда доказыванию подлежат, обстоятельства, связанные с нарушением условий пребывания на более мягкой мере пресечения. В таком случае, при надлежащем подходе суда в условиях реализации принципа состязательности, совокупность доказательств подтверждающих или опровергающих данный факт также может быть «отсортирована» (оценена) как прямые или косвенные.

Таким образом, в основу деления доказательств на прямые или косвенные должен быть положен признак степени связи (прямой или опосредованной) доказательства и обстоятельства, которое подлежит доказыванию (любое из обстоятельств, которое подлежит доказыванию). Среди прочего, это означает возможность ситуации, когда конкретное доказательство, в одном случае будет оценено как прямое, а применительно к другому случаю – в качестве косвенного. Например, прямое по своей сущности доказательство, которое подтверждает факт противоправного влияния обвиняемого на свидетеля по делу, в результате чего первому была изменена мера пресечения, может быть оценено в качестве косвенного при решении вопроса о виновности обвиняемого, поскольку он стремился

повлиять на показания свидетеля, которые его изобличали. Основопологающим принципом оценки косвенных доказательств должно являться то, что на основании исключительно косвенных доказательств подтверждение вины или другого обстоятельства, требующего доказывания, не может иметь место.

Обозначенный альтернативный подход к делению доказательств на косвенные и прямые также критикует Д.А. Мезенцев, который отмечает, что «указание в качестве основания рассматриваемой классификации отношения доказательства (его содержания, содержащихся в нем сведений) к общему предмету доказывания, закрепленному в настоящее время в ст. 73 УПК РФ, а равно только к отдельным обстоятельствам, в него входящим, нельзя признать удачным и соответствующим сложившемуся в отечественной уголовно-процессуальной науке исходному (по сути, традиционному) представлению о прямых и косвенных доказательствах. Более правильно и целесообразно понимать в качестве основания классификации доказательств на прямые и косвенные, критерий места устанавливаемого доказательством факта в структуре предмета доказывания по конкретному уголовному делу с отнесением к прямым тех доказательств, которые устанавливают непосредственно своим содержанием главный факт, а к косвенным - доказательств, устанавливающих также непосредственно своим содержанием только вспомогательные (промежуточные, доказательственные) факты, с помощью которых в дальнейшем необходимо делать умозаключения о главном факте» [31, с. 27].

Кроме того, существует и классификация косвенных доказательств. Например, Ю.В. Щелегов предлагает классифицировать их следующим образом: «на косвенные доказательства главного факта (виновности, формы вины и мотивов) и косвенные доказательства иных обстоятельств, подлежащих доказыванию. Это необходимо для правильного понимания значения определенных косвенных доказательств в доказывании по уголовному делу» [69, с. 11]. Такая классификация вполне обоснована,

поскольку она опирается на установленные законодательством обстоятельства подлежащие доказыванию: те, которые предусмотрены в ст. 73 УПК РФ и другие имеющие значение для уголовного дела.

Обратимся к другим делениям доказательств. Е.В. Брянская отмечает, что «деление доказательств на обвинительные и оправдательные основано на различной формулировке тезиса доказывания. Доказательства, обосновывающие наличие события преступления, вину данного лица, обстоятельства, отягчающие ответственность, принято называть обвинительными; обосновывающие отсутствие события преступления, отсутствие вины данного лица, наличие обстоятельств, смягчающих ответственность, а равно доказательства, опровергающие допустимость, относимость или достоверность обвинительных доказательств, – оправдательными. Отнесение доказательства к обвинительному или оправдательному возможно в результате оценки всех доказательств в совокупности» [11, с. 44]. Кроме того, отмечается, что «судьи выделяют так называемые нейтральные доказательства, которые могут иметь место в любом уголовном деле. Например, протокол личного обыска участника процесса с отражением сведений, что при обыскиваемом не обнаружено ни предметов, ни документов, относящихся к расследуемому уголовному делу» [11, с. 45].

Также, отмечается, что «доказательства в виде иных документов, показания подозреваемого, обвиняемого чаще других остаются в деле нейтральными. Думается, в силу принципа презумпции невиновности, например, признательные показания подсудимого не следует считать обвинительными доказательствами. В этом случае такие показания следует расценивать как нейтральные. Проверенные и оцененные обвинительные и оправдательные доказательства должны быть отражены в важнейших процессуальных документах: обвинительном постановлении (ст. 226. 7 УПК РФ), обвинительном акте (ст. 225 УПК РФ), обвинительном заключении (ст. 205 УПК РФ) и приговоре (ст. 314 УПК РФ). Это означает, что при вынесении обвинительного приговора надо указывать те доказательства,

которые положены судом в основу обвинения, с приведением мотивов, почему эти доказательства приняты судом и почему судом отвергнуты оправдывающие подсудимого доказательства: при вынесении оправдательного приговора следует указывать доказательства, которые положены судом в основу оправдания, с приведением мотивов, почему суд отверг те, на которых основано обвинительное заключение» [11, с. 46].

Отмечается, что «УПК РФ закрепляет положения о признании доказательств недопустимыми. Следовательно, можно полагать, что в самом тексте УПК РФ предусмотрены две группы доказательств: допустимые и недопустимые. Данная классификация построена по принципу оценки доказательств» [11, с. 46].

В трудах П.А. Лупинской можно встретить и такой вид доказательств, как ущербное доказательство: «протокол осмотра жилища, в ходе которого были проведены действия, допустимые только при обыске, может, однако, использоваться в той его части, которая фиксирует вид, размеры жилища, расположение в нем предметов на момент осмотра» [28, с. 98]. Имеется в виду, что в результате допущенных ошибок или неправомерных действий при получении доказательства определённого вида нарушаются требования, например, к его содержанию, в связи с чем, такое доказательство, в целом допустимое, не подлежит применению в определённой части.

Ещё одной классификацией доказательств является их деление на вещественные и документальные (содержание которых зафиксировано в документальной форме, в т.ч. на электронном носителе – документе). Р.Я. Мамедов отмечает, что «вещественные доказательства в самом общем виде можно определить как материальные следы (последствия) преступления. Их роль как познавательных средств в процессе доказывания обусловлена тем, что они были «участниками» расследуемого события, подверглись в результате его какому-то видоизменению, перемещению или были созданы преступными действиями. Доказательственное значение имеют их физические свойства (например, размер и конфигурация следа), место нахождения

(например, похищенная вещь, обнаруженная у обвиняемого) либо факт их создания (изготовления) или видоизменения (например, фальшивая монета, поддельный документ и т.п.)» [33, с. 77].

По результатам рассмотрения вопросов определения доказательства, их сущности и классификации, сделаны следующие выводы.

В настоящий момент существуют определённые неточности в законодательном определении доказательств в уголовном процессе, которые образуют противоречия с другими положениями УПК РФ о доказательствах.

В частности, речь идёт о формулировке «любые сведения», который законодатель применил, отойдя от устоявшейся в период советской власти и признаваемой многими учёными концепции доказательств как «фактических данных». Противоречие «любых сведений» заключается в том, что они не могут быть любыми, поскольку уже ч. 2 ст. 74 УПК РФ представляется «закрытый» перечень видов и форм доказательств, а, следовательно, доказательствами могут быть только те сведения, которые облачены в одну из перечисленных процессуальных форм. Таким образом, термин «любые сведения» должен быть скорректирован на «сведения».

Предложения учёных о включении в понятие доказательства признака достоверности не обоснованы, поскольку достоверность это один из элементов (аспектов) оценки тех сведений, которые уже вовлечены в уголовный процесс в качестве доказательств.

Результат такой оценки проявляется на каждом этапе уголовного судопроизводства, сначала следователем, прокурором, а, в последствии - судом. Окончательно достоверность доказательства должна быть оценена судом в итоговом решении по уголовному делу.

При этом никакого «процессуального решения» о признании полученных сведений недостоверными уголовно-процессуальное право не предусматривает, в отличие от признания их недопустимыми. По этой логике, кроме достоверности, легальное определение доказательства должно

содержать такие признаки, как допустимость и относимость, а в совокупности – достаточности.

Сущность доказательства определяется через соединение его содержания в виде сведений и формы как внешнего выражения, способа существования таких сведений. Форму доказательства и его источник необходимо разделить, поскольку источник – это объект материального мира, носитель информации, которая была обнаружена и зафиксирована, облачена в одну из предусмотренных процессуальных форм, став тем самым доказательством.

В науке и практике существуют различные виды классификаций доказательств в уголовном процессе. Одной из основных и наиболее распространённых в практической деятельности, являются классификация доказательств на прямые и косвенные, а также на допустимые и недопустимые доказательства. Обе эти классификации связаны с вопросом оценки доказательств и степени их «влияния» на доказывание обстоятельств уголовного дела.

Правильное понимание косвенных и прямых доказательств заключается не в их опосредованном отношении к обстоятельству относительно виновности или невиновности лица в совершении преступления, а применительно к конкретному обстоятельству, которое подлежит доказыванию. Именно такое понимание прямых и косвенных доказательств отвечает потребностям практики и будет соответствовать критерию логики и последовательности. Основопологающим принципом оценки косвенных доказательств должно являться то, что на основании исключительно косвенных доказательств подтверждение вины или другого обстоятельства, требующего доказывания, не может иметь место.



## **Глава 2 Требования, предъявляемые к доказательствам в уголовном судопроизводстве**

### **2.1 Относимость и допустимость доказательств**

Рассматривая вопрос относимости доказательств, обратимся к Постановлению Пленума ВС РФ № 55 от 29 ноября 2016 года «О судебном приговоре» (далее – Постановления Пленума ВС РФ № 55), согласно п. 7 которого, «если какие-либо доказательства по уголовному делу относятся сразу к нескольким преступлениям (например, показания свидетеля об обстоятельствах нескольких краж чужого имущества, очевидцем которых он являлся; должностная инструкция лица, обвиняемого в совершении ряда должностных преступлений, и т.п.), то их содержание достаточно изложить в приговоре при обосновании вывода о виновности или невиновности в совершении одного из преступлений, делая в дальнейшем лишь ссылку на них» [46].

Кроме того, в п. 8 Постановления № 55 указывается, что «следует избегать приведения в приговоре изложенных в указанных протоколах и документах сведений в той части, в которой они не относятся к выводам суда и не требуют судебной оценки» [46].

Существуют и требования к описательно-мотивировочной части приговора суда. Так, согласно п. 6 Постановления № 55, «в описательно-мотивировочной части приговора, исходя из положений пунктов 3, 4 части 1 статьи 305, пункта 2 статьи 307 УПК РФ, надлежит дать оценку всем исследованным в судебном заседании доказательствам, как уличающим, так и оправдывающим подсудимого. При этом излагаются доказательства, на которых основаны выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, и приводятся мотивы, по которым те или иные доказательства отвергнуты судом.

Если какие-либо из исследованных доказательств суд признает не имеющими отношения к делу, то указание об этом должно содержаться в приговоре. В силу требований статьи 75 УПК РФ о недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением закона, суд, установив такое нарушение, должен мотивировать свое решение о признании доказательства недопустимым и о его исключении из числа доказательств, указав, в чем именно выразилось нарушение закона» [46].

При этом, отметим, что наиболее проблемным и дискуссионным вопросом при оценке доказательств, является критерий их допустимости.

Так, «чаще всего возникают проблемы с использованием доказательств, полученных в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности, поскольку распространенность негласных методов получения информации не позволяет в ходе судебного заседания их проверить, а соответственно, полностью и всесторонне оценить. Этот тезис подтверждается тем, что Европейский суд по правам человека неоднократно в своих решениях указывал, что российские суды должны получать доступ к фактическому материалу, подтверждающему обоснованность и законность производства тех или иных ОРМ, прежде всего проведенных негласно, дабы избежать наличия подстрекательства либо провокации совершения преступлений. Достаточно жесткую позицию по данному вопросу занимает и Конституционный Суд РФ, в нескольких своих решениях указав, что результаты ОРД не являются доказательствами до тех пор, пока они не закреплены в предусмотренном УПК РФ порядке, в связи с чем, суды особое внимание обращают на соблюдение законодательства об оперативно-розыскной деятельности в части способов получения и фиксации процессуально значимой информации» [47, с. 170].

Также, отмечается, что «в настоящее время в законе имеется пробел в виде отсутствия категориального определения критерия допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве, следовательно, эффективное разрешение, то есть законодательное закрепление категориального

определения рассматриваемого критерия оценки доказательств видится оптимальным выходом из сложившейся ситуации и наиболее рациональным способом разрешения споров. Также, мы можем сделать вывод, что необходимо как обеспечение допустимых доказательств, так и достижение истины и справедливости при осуществлении предварительного расследования и судебной власти, но лишь теми методами, что соответствуют нравственным и законным нормам» [48, с. 173-174].

Интересно отметить, что «проблема» отсутствия чётких оснований для определения допустимости/ недопустимости доказательств, а также самого чёткого понимания недопустимых доказательств характерна не только для отечественной правовой системы, но и для зарубежных стран. Например, С.А. Сущенко в сравнительно-правовом исследовании недопустимости доказательств, пришла к выводу о том, что «в государствах англо-американской правовой семьи отсутствует нормативное определение свойства допустимости доказательств и перечень оснований для признания доказательства недопустимым, что создаёт для суда относительно свободные условия оценки доказательств. В странах континентальной правовой семьи доказательства признаются недопустимыми в случае собирания их способами, прямо запрещёнными законом, и допускается судебное усмотрение по поводу допустимости доказательств, собранных с иными нарушениями» [51, с. 12].

Ряд специалистов, рассматривая критерий допустимости доказательств, указывают на его принадлежность не только к форме, но и к содержанию информации, представляющей собой доказательственный материал. Однако при таком подходе, происходит смешение понятий допустимости и относимости доказательств.

Так, в Конституции РФ указано, что: «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона» [25].

Необходимо отметить противоречие, складывающееся в связи с тем, что Конституция РФ налагает запрет на использование доказательств, полученных

с нарушением федерального закона, в то время как действующий уголовно-процессуальный закон - на использование доказательств, полученных лишь с нарушением норм УПК РФ. Такое противоречие может привести и ученых, и практиков к мнению о том, что нарушение норм иных федеральных законов, помимо УПК РФ, при получении доказательств не приводит к недопустимости последних [36, с. 52], [57, с. 61]. Данная позиция, по нашему мнению, является неверной, что подтверждается приоритетом более широкой по сфере регулирования конституционной нормы над уголовно-процессуальной как более узкой, отраслевой, а также сложившейся следственно-судебной практикой [38, с. 67-70].

Однако большинство современных ученых-процессуалистов при определении понятия допустимости доказательств ограничиваются перечислением критериев (условий, признаков, свойств) допустимости.

Так, например, С.А. Шейфер, определяя понятие допустимости, пишет, что «это свойство, означающее, что доказательство получено из надлежащего источника, уполномоченным лицом, законным способом и облечено в надлежащую форму» [64, с. 74].

По мнению В.А. Лазаревой, «с учетом влияния состязательности на сложившееся ранее представление о допустимости доказательств условиями допустимости доказательств являются: полномочность участника уголовного процесса на проведение процессуального действия по собиранию доказательств; надежность источника доказательственной информации; соответствие закону процедуры получения сведений о подлежащих доказыванию обстоятельствах; надлежащее закрепление результатов следственного действия» [27, с. 167].

С точки зрения И.Б. Михайловской, «допустимое доказательство должно соответствовать следующим условиям: надлежащий субъект его получения; законность источника сведений; использование для его получения лишь того следственного или судебного действия, которое предусмотрено

законом; проведение следственного (судебного) действия с соблюдением установленных законом требований» [32, с. 105].

Представляется, что наиболее точно и полно выделил критерии допустимости доказательств А.В. Смирнов: «надлежащий субъект доказывания, надлежащий источник доказательств, надлежащий вид способа собирания доказательств, законная процессуальная форма собирания доказательств, законная процедура проверки доказательств» [49, с. 55].

Р.В. Костенко считает, что «сущность второго правила допустимости доказательств заключается в том, что сведения о фактах и обстоятельствах уголовного дела должны быть получены из надлежащих источников (надлежащих разновидностей процессуальной формы доказательств), предусмотренных действующим УПК РФ. Нарушение этого правила о надлежащих источниках (надлежащих разновидностях процессуальной формы доказательств) всегда влечет за собой исключение полученных доказательств» [22, с. 185].

В связи с этим, отметим, что вопрос о допустимости доказательств, во многом связан с вопросом о требованиях, предъявляемых к его форме. В теории уголовного процесса ученые расходятся в своих позициях по вопросу о том, что должна представлять собой надлежащая процессуальная форма доказательства, а также какие в связи с этим требования необходимо предъявлять к ней. Ряд авторов предлагают считать формой доказательства источники фактических данных или источники сведений о фактах [9, с. 19], [15, с. 55], [19, с. 77], [23, с. 10], [54, с. 105]. Другие отождествляют форму доказательств как источник сведений об обстоятельствах преступления с видами уголовно-процессуальных доказательств [24, с. 63], [41, с. 87], [52, с. 53]. Третьи называют процессуальную форму доказательств средствами доказывания [45, с. 43-44], [56, с. 94]. Отдельная группа ученых использует термин «надлежащая процессуальная форма доказательства» применительно к источникам доказательств [7, с. 11], [13, с. 65-66], [17, с. 78], [26, с. 44]. [30, с. 136-137]. [60, с. 76]. При этом указывается, что термин «источник

доказательства» предпочтительнее заменить на термин «вид доказательства», который способен отразить различия как в способах сохранения и передачи сведений, так и в процессуальном положении носителя доказательственной информации [65, с. 38]. Представленной позиции возражает В.С. Балакшин, который утверждает, что существуют серьезные основания сомневаться в теоретической и практической обоснованности применения понятия «источник доказательств» [9, с. 64]. В связи с этим высказывается также мнение о том, что, помимо понятия «источник доказательств», можно использовать такой термин, как «носитель информации» [10, с. 53-54].

Необходимо обратить внимание также на концепцию тех исследователей, которые именуют источники сведений, имеющих доказательственное значение, видами доказательств, по словам С.А. Шейфера, «самими доказательствами, взятыми со стороны их формы» [66, с. 48-49]. Надлежащая форма доказательства в уголовном процессе должна быть неотделима от их содержания. По словам Ю.К. Орлова, в принципе форма и содержание неразделимы, поскольку не существует информации (как и энергии) вне какого-то материального носителя [41, с. 39].

В результате проведенного анализа судебной практики, установлено, что суды апелляционной инстанции, как правило, оцениваются законность и обоснованность решений, принимаемых судами первой инстанции и в вопросе правильной оценки последними доказательств на предмет их относимости, допустимости достоверности и достаточности. Например: «Суд первой инстанции, исследовав и оценив все собранные доказательства в совокупности, дал им надлежащую оценку в соответствии со ст. 17, 88 УПК РФ, и привел мотивы, по которым признал положенные в основу обвинительного приговора доказательства достоверными, соответствующими установленным фактическим обстоятельствам дела, а также указал мотивы, по которым он принимает одни доказательства и отвергает другие. В соответствии с требованиями закона каждое из доказательств оценено с точки зрения относимости и допустимости, а совокупность доказательств с точки

зрения достаточности для разрешения уголовного дела, при этом относимость, достоверность и допустимость положенных в основу приговора доказательств сомнений у суда апелляционной инстанции не вызывает, поскольку они собраны по делу с соблюдением требований ст. ст. 74, 84 и 86 УПК РФ» [2]. Отметим, что данная формулировка в решениях судов апелляционной и других проверочных инстанций, является довольно распространённой, особенно в тех случаях, когда суды оставляют в силе решения судов первой инстанции, а поданные жалобы – без удовлетворения [3], [4], [5].

В отдельных решениях встречаются следующие формулировки: «допустимость положенных в основу приговора доказательств сомнений не вызывает, поскольку они собраны по делу с соблюдением требований ст. 74, 86 УПК РФ» [6]. Исходя из этого, допустимо предположить, что в вопросе оценки допустимости доказательств, суды, прежде всего, проверяют соблюдение их формы (внешнего выражения) (ст. 74 УПК РФ) и субъекта, способа их получения (ст. 86 УПК РФ)

Таким образом, наиболее обоснованной позицией выступает та, которая обосновывает единство формы и содержания уголовно-процессуального доказательства, при этом, формой выступает именно внешнее выражение, способ существования сведений, составляющих доказательственную информацию. При этом, критерий допустимости доказательств может заключаться, как в соблюдении требований относительно их формы, так и содержания.

## **2.2 Достоверность и достаточность доказательств**

Отметим, что вопрос достоверности доказательств, за редким исключением, практически не раскрывается ни в УПК РФ, ни в обобщениях судебной практики. Так, например, в п. 11 Постановления № 55 отмечается, что «в приговоре отражается отношение подсудимого к предъявленному обвинению и дается оценка доводам, приведенным им в свою защиту. В случае

изменения подсудимым показаний суд обязан выяснить причины, по которым он отказался от ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства показаний, тщательно проверить все показания подсудимого и оценить их достоверность, сопоставив с иными исследованными в судебном разбирательстве доказательствами» [46]. Вопрос о том, по какой причине Пленум акцентирует внимание именно на достоверности показаний подсудимого, остаётся открытым. Возможно, это связано с тем, что обвинительный приговор не может быть основан исключительно на признании подсудимым своей вины. Тем самым, законодатель, как бы «страхует» себя от ситуаций самоговора, когда показания подсудимого в действительности не будут обладать признаком достоверности.

В научной литературе отмечается, то «анализ судебной практики свидетельствует о распространенности случаев, когда нарушения закона при сборе доказательств происходят по причине имеющихся изначально недостоверных сведений, претендующих на статус доказательств, когда субъектами доказывания или иными лицами предпринимаются попытки «возведения» данных сведений в ранг доказательств. Иными словами, выявленное нарушение закона при получении доказательства может сигнализировать о недостоверности информации, в нем содержащейся. И именно такие нарушения, которые повлияли или могли повлиять на достоверность сведений, представляют особую опасность для целей доказывания» [49, с. 88]. В связи с этим лицам, ответственным за уголовное судопроизводство, необходимо принять меры к проверке иными законными способами содержащейся в таких доказательствах информации.

После анализа судебной практики и теоретических подходов о соотношении допустимости и достоверности доказательств возникает вопрос о целесообразности отделения рассматриваемых свойств доказательств. К сожалению, формула, согласно которой сумма допустимого и недостоверного свойств доказательств приводит к результату в виде принятых



процессуальных решений, незаконно ущемляющих права и свободы граждан, встречается в судебной практике.

Учитывая, что внешне допустимые доказательства, не являющиеся достоверными, могут лечь в основу процессуальных решений и повлечь ущемление прав и свобод граждан, законодателю необходимо упразднить подобный негативный побочный эффект, возникший в результате функционирования существующих уголовно-процессуальных норм, изменив данные нормы.

Как было сказано, нарушения процессуального характера, допущенные при получении доказательств, могут влиять на их достоверность. В связи с этим первым шагом в решении обозначенной проблемы могло бы стать соотнесение достоверности с допустимостью доказательств в отечественном законодательстве. Так, ст. 75 УПК РФ в контексте недопустимости доказательств могла бы содержать указание на нарушения, которые повлияли или могли повлиять на достоверность полученных фактических данных. Таким образом, первую часть ч. 1 ст. 75 УПК РФ можно изложить в следующей редакции: «Фактические данные, полученные с нарушением требований закона, которое повлияло или могло повлиять на их достоверность, признаются недопустимыми в качестве доказательств».

Подобная формулировка послужит сдерживающим фактором на пути использования доказательств, которые не соответствуют действительности, а также способом разрешения проблемы главенства формы над реальностью, а это значит, что у лиц, ответственных за судопроизводство, появится инструмент, способствующий улучшению качества процесса доказывания.

Далее перейдём к рассмотрению вопроса о достаточности доказательств. М.А. Нагоева отмечает, «что в жизни существует больше объективных доказательств истины, чем те, которые мы используем. И нет необходимости по каждому конкретному делу разыскивать и исследовать все доказательства, существующие в природе, а нужно установить достаточные доказательства, служащие основанием для принятия решения по делу. Таково требование

одного из основных законов логики. Поэтому ошибочно мнение тех юристов, которые выступают против предоставления суду права сокращать судебное следствие в тех случаях, когда он уже получил достаточное количество доброкачественной доказательственной информации, необходимой для правильного разрешения дела» [34, с. 129], [35, с. 127-128]. В подтверждение данной мысли укажем и на Имре Сабо, который полагает, «что не следует требовать «представления, помимо необходимых доказательств, всех возможных (но не безусловно необходимых) доказательств» [63, с. 138].

Нельзя рассматривать требования закона о всестороннем, полном и объективном исследовании дела, выявлении уличающих и оправдывающих обвиняемого, а также отягчающих и смягчающих его вину обстоятельств как требование установить по делу все имеющиеся в природе доказательства этих обстоятельств [35, с. 168]. И.Г. Рогава и Д.В. Яловая отмечают, что «всесторонность и полнота исследования уголовного дела означают выясненность всех его сторон при помощи достаточных доказательств, но не обязательно всех тех, которыми можно обосновать истинность выводов суда. Если по делу собраны прямые доказательства, исключающие возможность ошибки при его разрешении, то нет необходимости собирать косвенные доказательства. Если имеются убедительные простые доказательства, то вряд ли будет целесообразным устанавливать и использовать доказательства правильности тех же самых выводов, требующие сложных лабораторных исследований» [48, с. 173-175].

Неубедительна и аргументация П.С. Элькинд против предоставления суду права, получив достаточное количество доказательственной информации, отказаться от получения информации избыточной, устанавливающей обстоятельства уже вполне установленные. По ее мнению, «предоставление суду такого права, предлагаемого нами, означало бы переоценку роли признания обвиняемым своей вины, хотя ничего подобного в нашем предложении не содержится. Мы против и переоценки, и недооценки показаний обвиняемого» [70, с. 189].

Вторым аргументом П.С. Элькинд против возможности сокращения судебного следствия после получения достаточной доказательственной информации является утверждение, что «такое сокращение оказалось бы в прямом противоречии с требованием закона основывать приговор лишь на тех доказательствах, которые рассмотрены в судебном заседании, с соблюдением всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела. Но в действительности никто не предлагает нарушать эти требования закона и основывать приговор на тех материалах, которые не исследованы с достаточной полнотой в суде» [70, с. 189].

Таким образом, в подведение итогов отметим, что в науке отсутствует единый взгляд относительно содержания категории «допустимость» доказательств в уголовном процессе. При этом наиболее обоснованной точкой зрения выглядит подход к допустимости доказательств с точки зрения необходимости соблюдения формальных требований к источникам и процессу их получения.

Представляется аксиомой то, что требуется надежное обеспечение достижения истины и справедливости в каждом судебном деле, но не любой ценой и не любыми средствами, а только нравственными, законными и вместе с тем наиболее рациональными и экономными, без процессуальных излишеств и волокиты. И в этом заключается одно из первостепенных условий эффективности судопроизводства.

Особенность такой оценочной категории как достаточной доказательств, заключается в том, что она может быть применена только к совокупности доказательств в целом по уголовному делу. При этом оценка достаточности доказательств опирается на ряд запретов, например, не может быть признано достаточными совокупность доказательств, основанная исключительно на признании виновным своей вины и т.п.

## **Глава 3 Проблемные вопросы использования доказательств в уголовном процессе**

### **3.1 Электронные документы как доказательства в уголовном процессе**

Отметим, что вопрос регулирования правоотношений в «цифровой» сфере, с учётом постоянного и стремительного увеличения их значения для человека, общества и государства, является актуальным вызовом для практически всех отраслей отечественного законодательства. Не является исключением и уголовный процесс, в котором одной из насущных проблем является разрешение вопроса о возможности и необходимости введения отдельной категории «электронное доказательство» в перечень допустимых форм доказательств.

Повторимся о том, что доказательственное право представляет собой один из центральных институтов уголовного процесса в целом. В следственной и судебной практике в последние годы количество используемых доказательств на цифровых носителях в электронном виде постоянно увеличивается. С использованием таких доказательств выносятся как оправдательные, так и обвинительные приговора. Это обстоятельство неизбежно порождает дискуссию о таких категориях, как «электронное доказательство» и «электронное доказывание» [12, с. 74].

Рассмотрим существующие позиции учёных по этому вопросу. Р.И. Оконенко в результате проведённого сравнительно-правового исследования применения электронных доказательств в США и в РФ, полагает, что «в настоящее время преждевременно говорить о понятии «электронного доказательства» как о состоявшейся категории позитивного права, а появление в УПК РФ термина «электронный носитель информации» следует рассматривать как промежуточный шаг на пути к возможному появлению в российском процессуальном праве термина «электронные

доказательства»» [39, с. 65]. Таким образом, по мнению Р.И. Оконенко, появление соответствующего термина является неизбежным, логическим завершением процесса внедрения электронных сведений (информации) в доказательственную сферу отечественного уголовного процесса. Однако, одновременно с этим, учёный не определяет электронное доказательство в качестве особого обособленного вида доказательств.

В 2019 году было опубликовано монографическое исследование на тематику электронных доказательств под редакцией С.В. Зуева, в которой отмечается, что «электронным доказательством является любая электронно хранимая информация (ESI), которая может быть использована в качестве доказательства в судебном процессе; к такому виду доказательств относятся любые документы, электронные письма или другие файлы, хранящиеся в электронном виде, а также электронные свидетельства, включающие записи, хранящиеся сетевыми или интернет-провайдерами. В этой же работе утверждается, что электронная информация может быть представлена в виде одного из традиционных доказательств - вещественного доказательства или иного документа» [42, с. 253].

П.С. Пастухов высказывает позицию о том, что «в УПК РФ не следует вводить новый вид доказательства («электронное доказательство») или новый источник («электронный носитель информации»), необходимо лишь уточнить понятие «доказательство», указав, что сведения могут быть в виде электронной информации, которая, в свою очередь, вполне способна восприниматься в одном из традиционных доказательств - вещественном доказательстве или документе» [44]. Ещё одним вариантом реформирования доказательственного права в аспекте внедрения электронных доказательств в сферу уголовного процесса, является исключение перечня доказательств, предусмотренных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Данный перечень представляется в качестве изжившего себя анахронизма, в связи с чем, предлагается считать доказательствами «сведения, полученные любой из сторон способами, не запрещенными законом, которые позволяют установить обстоятельства,

имеющие существенное значение для дела. Эти сведения могут быть получены от лиц, из предметов или процессов» [1]. Существует и противоположная позиция, согласно которой целесообразно закрепить компьютерную информацию в качестве отдельной формы доказательств и дополнить ею ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Такой позиции придерживаются Н.А. Зигура и А.В. Кудрявцев [20, с. 30].

Е.И. Галяшина указывает, «при поиске, обнаружении, фиксации, изъятии, исследовании и хранении файлов, содержащих цифровую информацию, представленную в бинарном коде, необходимо руководствоваться принципами, закрепленными Международной организацией по цифровым доказательствам (ЮСЕ)» [16, с. 139-140].

В монографии, посвящённой основам теории электронных доказательств, отмечается, что «помимо принципов, связанных в основном с изъятием и исследованием цифровых доказательств, указанная организация привела определения основных понятий, касающихся цифровых доказательств:

- цифровое доказательство - информация, сохраненная или переданная в бинарной форме, которая может быть использована в суде;
- оригинальное цифровое доказательство - физические средства и информационные объекты (данные), связанные с этими средствами на момент изъятия;
- дубликат цифрового доказательства - точное цифровое воспроизведение всех данных, содержащихся на оригинальном физическом средстве;
- копия - точное воспроизводство информации, содержащейся в данных независимо от оригинального носителя» [42].

М.И. Воронин полагает, что «отнесение электронных доказательств к иным документам также нельзя признать обоснованным. Во-первых, статья 84 УПК РФ, посвященная иным документам, сформулирована по остаточному

принципу. Все, что не может быть отнесено к другим видам доказательств, автоматически подпадает под иные документы. Такой подход законодателя не основан на познавательных особенностях той или иной информации» [12, с. 79].

Ю.К. Орлов в работе посвящённой проблеме теории доказательств в уголовном процессе 2009 года отмечал, что «фото- и киноизображения, являясь производными вещественными доказательствами, содержат и элементы условности, и элементы копирования, вследствие чего довольно затруднительно отнести их к какому-то виду доказательств» [41, с. 54]. Кроме того, отмечается, что «этот вид доказательств не учитывает как специфику самих электронных доказательств, так и особенности их собирания, проверки и оценки. В-третьих, приобщение документа к делу не требует вынесения специального письменного решения об этом, как это имеет место в отношении вещественных доказательств. Применительно к электронным доказательствам такое положение считаем недопустимым. Правоприменитель должен выносить постановление о приобщении электронного документа или электронного носителя информации к делу в качестве электронного доказательства. В этом решении должны найти отражение как основания его принятия, так и процессуальный способ получения этого доказательства, итоги экспертного исследования при его проведении, а также вывод относительно его относимости к делу. Кроме того, по аналогии с вещественными доказательствами точная процессуальная фиксация факта приобщения, например, электронного носителя информации к делу в качестве электронного доказательства необходима еще и потому, что такие носители часто представляют определенную материальную ценность» [41, с. 54].

Как и отечественная правоприменительная практика, так и зарубежный опыт показывают, что применение принципа формального подхода к оценке допустимости доказательства является далёким от совершенства, поскольку позволяет, с одной стороны, допускать в сферу уголовного процесса доказательства, полученные с формальной стороны «безупречно», не

разбираясь в сущностном содержании таких доказательств, а с другой стороны – признавать недопустимыми часть доказательств, в силу формального нарушения порядка их получения, не смотря на «малозначительность» такого нарушения, которая не могла повлиять на достоверность их содержания.

В связи с этим, наиболее обоснованным выглядит оценка допустимости доказательств на предмет их соответствия критерию соблюдения прав и свобод личности, закреплённых в Конституции РФ, а также основополагающим конституционным принципам и принципам закреплённых в уголовном процессуальном законодательстве.

Таким образом, ч. 1 ст. 75 УПК РФ, предлагается сформулировать в следующей редакции «недопустимыми доказательствами признаются те доказательства, которые были получены с нарушением конституционных прав и свобод личности, а также нарушающие принципы уголовного судопроизводства».

При этом категорию принципы уголовного судопроизводства необходимо понимать расширено, поскольку, как известно, УПК РФ, среди прочего основано и на Конституции РФ, нормы-принципы последней также должны иметь своё прямое действие.

Принятие такого нововведение повлечёт за собой необходимость установление судебных стандартов определения нарушений порядка получения доказательств, как таких, которые нарушают или не нарушают права и свободы личности, противоречат или не противоречат принципам уголовного судопроизводства. Это обстоятельство ещё в большей степени повышает роль судебной практики в правильном понимании и толковании уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, принятие таких нововведений, актуализирует установление полного перечня основных принципов уголовного судопроизводства и их полноценной закреплению в общих положениях УПК РФ.

Кроме того, учитывая принцип состязательности, а также всеобщую конституционную обязанность для всех без исключения на территории



России, соблюдать её Конституцию и законы (ч. 2 ст. 15), требование о законности в деятельности стороны защиты, в том числе, в процессе доказывания, также должны иметь место.

В связи с этим, ст. 75 УПК РФ, устанавливающую критерий недопустимости доказательств, необходимо дополнить частью четвёртой следующего содержания:

«4. Представляемые стороной защиты доказательства могут быть признаны недопустимыми, если при их собирании были допущены действия, запрещённые законом».

Предложенные в данном параграфе нововведения не являются исчерпывающими, а представляют собой видение автора данного исследования относительно путей совершенствования системы доказательств в уголовном процессе.

### **3.2 Проблемные аспекты оценки доказательств в уголовном судопроизводстве**

Отметим, что чаще всего в судебно-следственной практике, а также в теории, наиболее принципиальные споры и интерес вызывает вопрос оценки доказательств на предмет их допустимости. Общая характеристика допустимости доказательств была дана в предыдущих разделах.

Одной из наиболее актуальных и дискуссионных для отечественного уголовного процесса уже не одно десятилетие продолжает оставаться проблема оценки доказательственного значения результатов ОРД, а точнее - вопрос допустимости вовлечения в уголовный процесс результатов ОРД в качестве доказательств как таковых, или необходимость их последующей процессуальной легализации, как необходимого условия допустимости доказательств.

Как известно, УПК РФ однозначного ответа на этот вопрос не даёт, однако, сложившаяся правоприменительная практика, с учётом толкования

КС РФ [43], позволяет утверждать о необходимости процессуальной легализации (очистки) сведений составляющих результаты ОРД. Таким образом, появляется целый ряд «производных» доказательств, как правило, протоколов осмотров предметов и других подобных следственных действий, которые передают процессуальную форму следственного действия таким сведениям основываясь не на их первичном восприятии, а через призму оперативно-розыскных документов или материалов. Кроме того, продолжает оставаться нерешённым вопрос о том, является ли необходимым критерием допустимости таких доказательств проверка соблюдения порядка, предусмотренного для их получения, предусмотренного оперативно-розыскном законодательстве [14, с. 47-48].

Для ответа на данный вопрос, в первую очередь, предлагаем обратиться к отдельным разъяснениям Пленума ВС РФ. Так, согласно п. 9 Постановления Пленума ВС РФ № 55 по вопросам судебного решения, отмечается, что «суду следует иметь в виду, что использование в качестве доказательств по уголовному делу результатов оперативно-розыскных мероприятий возможно только в том случае, когда такие мероприятия проведены для решения задач, указанных в статье 2 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных статьями 7 и 8 указанного Федерального закона, а полученные сведения представлены органам предварительного расследования и суду в установленном порядке и закреплены путем производства соответствующих следственных или судебных действий. Например, произведенные аудио- и видеозаписи, изъятые предметы и документы должны быть осмотрены и приобщены к делу; обнаруженные вещества – подвергнуты экспертным исследованиям; лица, участвовавшие в проведении оперативно-розыскных мероприятий, – при необходимости допрошены в качестве свидетелей» [46]. Также, отдельно указывается на то, что «в случае признания полученных на основе результатов оперативно-розыскной деятельности доказательств недопустимыми они не

могут быть восполнены путем допроса сотрудников органов, осуществлявших оперативно-розыскные мероприятия» [50, с. 29-30].

Как уже указывалось выше, требование о необходимости соблюдения оперативно-розыскного законодательства как предварительное условие допустимости результатов ОРД в уголовном процессе, из буквального толкования норм УПК РФ не следует. В данном случае, речь идёт о том, что такой «стандарт» оценки допустимости рассматриваемого вида доказательств был сформирован именно в судебной практике. Соответственно возникает вполне логичное предложение о том, что если какое-то неоднозначное при буквальном толковании норм закона положение, нашло своё судебное толкование, которое применяется уже не одно десятилетие, то почему бы его не закрепить в законе? Тем более, с необходимостью проверки соблюдения оперативными подразделениями оснований и порядка производства ОРД, согласны большинство учёных, даже тех, которые выступают за предание доказательственного значения результатам ОРД без их процессуальной «очистки» [8, с. 223-224], [67, с. 77], [68, с. 203-204], [62, с. 114-119].

С.А. Сущенко предлагает следующим образом решить проблему использования и оценки результатов ОРД в качестве доказательств по уголовному делу, изложив ст. 89 УПК РФ, следующим образом: «Результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в доказывании, если они были получены в соответствии с требованиями нормативных актов, регулирующих процесс их получения, и лишь после их проверки посредством производства процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом» [46, с. 13]. Комментируя данное предложение, отметим, прежде всего, детали. Так, проверка результатов ОРД только «процессуальными действиями», может вызвать среди учёных дальнейшие споры и приведёт к непониманию предлагаемой формулировки в практической деятельности. Речь идёт о том, что понимание категорий «следственные действия» и «процессуальные действия» различно, в связи с чем, отдельная часть правоприменителей и учёных могут не соглашаться с тем, что процессуальные

действия включают в себя и следственные. В связи с этим, целесообразным выглядит применение формулировки «следственных и процессуальных действий».

Применительно к оценке результатов ОРД как допустимых, с использованием фактора соблюдения требований оперативно-розыскного законодательства, то такое предложение выглядит весьма обоснованным, поскольку учитывает уже сложившуюся судебную практику оценки допустимости таких доказательств. Что касается требования проверки результатов ОРД, способами предусмотренными УПК РФ, то, в настоящий момент, в силу известных разъяснений Конституционного Суда РФ, результаты ОРД могут быть использованы в качестве доказательств, только будучи облечёнными в уголовно-процессуальную форму, способом проведения следственных и процессуальных действий. Несмотря на постоянную критику такой концепции сторонниками окончательного признания за результатами ОРД доказательственного значения в их «первородном» виде, без следственной легализации [14, с. 47-52] [18, с. 47-52], [51, с. 29-35], [55, с. 9-10], правовая реальность такова.

Подводя промежуточный итог рассмотрения проблемы оценки результатов ОРД на предмет их допустимости использования в доказывании по уголовным делам, отметим, что идеального решения обозначенной проблемы не существует. Вариант, в котором результаты ОРД приобретают полноценной доказательственное значение «рушит» десятилетиями наработанную правоприменительную практику и противоречит уголовно-правовой доктрине о доказательствах в целом.

С другой стороны, руководствуясь соображениями разумности и целесообразности, необходимо признать, что, если познавательные возможности оперативно-розыскных мероприятий, позволяют получить в распоряжение стороны обвинения больше средств и способов познания истины по уголовному делу, а значит и приблизить к решению главного вопроса о виновности или не виновности лица в совершении преступления, то

вопрос отпадает как таковой. Тем более, существующие проблемы вовлечения результатов ОРД в уголовный процесс фактически преодолеваются способом совершения не имеющих какого либо фактического значения следственных действий по осмотру оперативно-розыскной документации, которые не имеют реального доказательственного значения, и признания таких результатов «иными документами» (если результаты ОРД предоставляются в виде аудиозаписей и прочих подобные «документы»), по делу, либо вещественными доказательствами (если это материалы и вещества).

Что касается вопроса оценки результатов ОРД, то кроме соответствия требованиям, предъявляемым для доказательств в уголовном судопроизводстве, последние должны соответствовать и требованиям, предъявляемым оперативно-розыскным законодательством. В качестве обоснования укажем на ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, которая предписывает всем без исключения, в том числе и органам государственной власти, соблюдать Конституцию и законы России.

В совокупности с ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, которая указывает на недопустимость использования при отправлении правосудия «доказательств, полученных с нарушением федерального закона», это говорит о необходимости признания результатов ОРД полученных в нарушении требований оперативно-розыскного законодательства недопустимыми в силу прямого действия положений Конституции РФ, вне зависимости от содержания норм УПК РФ. В целом же, наличие такого «противоречия» между Конституцией и федеральным законом на таком уровне, водиться неприемлемым и должно быть устранено способом приведения норм УПК РФ в соответствие с Конституцией РФ.

В связи с этим, предложения об изменении редакции ст. 89 УПК РФ, и включении в них такого критерия допустимости доказательств, как их соответствия требованиям оперативно-розыскного законодательства, вполне обосновано. В связи с этим, предлагается следующая редакция ст. 89 УПК РФ:

«Статья 89. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности

В процессе доказывания допускается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они были получены в порядке, предусмотренном законодательством об оперативно-розыскной деятельности, и отвечают другим требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом, в том числе критериям относимости, допустимости, достоверности».

Тут же обратим внимание на проблему, обозначенную С.А. Сущенко в ходе проведения сравнительно-правового исследования недопустимости доказательств в уголовном процессе в России и в зарубежных государствах [51, с. 13]. Учёная обращает внимание, что как в государствах континентальной, так и англо-саксонской правовой семьях, в случае установление факта нарушения процедуры получения доказательств, суд, сторона обвинения и защиты по делу выясняют вопрос о том, имел ли субъект получающий такое доказательство умысел на нарушение установленной процедуры и запретов при получении доказательства, а также - каким образом, нарушение процедуры (формы) получения доказательств могло повлиять на его истинность (достоверность), каким образом и в какой степени такие действия привели к нарушению прав, свобод и охраняемых интересов участников уголовного судопроизводства [51, с. 12].

Это означает, что отдельные доказательства, получены с нарушением процедуры их получения, если такая процедура была нарушена неумышленно, если соблюсти её в полной мере в существующих на тот момент обстоятельствах, было не возможно, если фактически существенного нарушения охраняемых таким образом ценностей, не случилось, то такое доказательство по усмотрению суда, может быть признано допустимым и учитываться при вынесении итогового решения по делу.

В противовес этому С.А. Сущенко обращает внимание на отечественный опыт, который позволяет признавать недопустимыми доказательства,

полученные с фактически любым нарушением закона [51, с. 13]. По мнению учёной обозначенный зарубежный подход к оценке доказательств вполне может быть заимствован и для «реформы» отечественной оценки допустимости доказательств. Основываясь на этом, учёная, предлагает ряд дополнений и изменений в ст. 75 УПК РФ связанных с внедрением элементов характера и степени влияния допущенного нарушения в процессе собирания доказательств на права сторон.

Так, С.А. Сущенко предлагает изложить часть 1 ст. 75 УПК РФ в новой редакции следующим образом: «недопустимы только те доказательства, которые были получены стороной обвинения с нарушениями конституционно защищаемых прав личности или принципов уголовного судопроизводства» [51, с. 14]. Данная формулировка в целом выглядит обоснованной, за исключением словосочетания «только те», поскольку никакой необходимости в данном случае, уточнять и дополнительно акцентировать на исключительности случаев недопустимости доказательств, не имеется.

Кроме того, необходимо понимать, что предлагаемые формулировки, которые выглядят теоретически вполне обоснованными, фактически предполагают пол собой формирование отечественного уголовно-процессуального прецедентного права, вопреки общему «началу» о нормативно-правовом акте как об основном источнике отечественного права.

Иными словами, речь идёт о том, что оценка допущенного нарушения при получении доказательства как такового, которые нарушают конституционные права и принципы уголовного судопроизводства, неизбежно будет осуществляться в следственной, прокурорской и судебной практике путём проб и ошибок, в результате которых, сначала на уровне апелляционных и кассационных судов, а затем – на уровне Верховного суда, наиболее часто встречающиеся «случаи» будут оцениваться в надзорных делах, или в ходе обобщения судебной практики.

В данном случае речь идёт об определённом «мировоззренческом» выборе, которые касается всего процесса в целом, а не только отдельных его

институтов: остаётся ли отечественный уголовный процесс в орбите нормативно-правового регулирования или окончательно признаётся необходимость и законность формирования судебных «стандартов» применения определённых правовых норм. В нашем случае, это судебные стандарты по вопросу отнесения тех или иных нарушений процедуры (формы) получения стороной обвинения доказательства как, таких, которые нарушают охраняемые конституцией права и свободы личности, либо основополагающие принципы уголовного процесса.

Противники подобного утверждения могут возразить о том, что и в настоящий момент, существуют обобщения практики применения судами норм УПК РФ, и в отдельных случаях, она может непосредственно влиять на правосудие и процессуальное поведение сторон по делу. Например, это нормы о возможности пересмотра уголовного дела по новым обстоятельствам, вследствие изменения практики ВС РФ (в УПК РФ такая возможность в отличие от гражданского и арбитражного процесса, не предусмотрена, но в соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, могут иметь место «иные обстоятельства» для пересмотра уголовного дела), либо возможность отсылки на Постановления Пленума ВС РФ, наряду с правовыми нормами, в обоснование принятого по делу решения. Это действительно так. Более того, само существование данных обстоятельств не двусмысленно указывает на то, что «судебное правотворчество» (пока «дополняющего, разъясняющего») характера, уже существует в уголовном процессе.

В связи с этим, необходимо констатировать, что решение вопроса о возможности введения оценочного неформального (не связанного с их уголовно-процессуальной формой) критерия допустимости доказательств, основанного на оценке нарушения процедуры получения доказательства, приводящей к нарушению конституционных прав личности и принципов уголовного судопроизводства, связано с разрешением вопроса о степени и роли судебной практики в уголовном процессе.



Необходимость формирования в таком случае определённых «судебных стандартов» оценки наиболее типичных нарушений процедуры получения доказательств во избежание судебного произвола и принятия конъюнктурных решений на уровне судов первой и даже апелляционной инстанции, в таком случае, вполне очевидна. Отечественный правоприменитель и общество в целом должны быть готовы к «высоким стандартам», которые предъявляются для всех участников процессуальных правоотношений при применении норм закона, носящих оценочный характер.

В подтверждение высказанной мысли обратимся к В.В. Терёхину, который в докторской диссертации 2016 года предложил собственную парадигму стандарта допустимости в уголовном процессе в основе которого лежит требования (стандарты) к форме доказательств. При этом, учёный, среди прочего, пришёл к выводу о необходимости перехода с догматического на интерпретационный подход к определению стандарта допустимости доказательств, «который должен быть определён судьёй по своему внутреннему убеждению, исходя из смысла действующего закона, толкуемого в контексте проводимой уголовной (уголовно-процессуальной) политики, являющейся воплощением справедливости и баланса ценностей, подлежащих защите государством» [53, с. 17].

Развивая данную мысль, В.В. Терехин отмечает, что «стандарт допустимости уголовно-процессуального доказательства не предписывается законом, а определяется правосознанием через толкование смысла закона. Стандарт допустимости прописывается в тексте закона, но прочитывается судьёй. Этот стандарт определяется в ходе аргументационной, интерпретационной деятельности участников судебного процесса по поводу смысла законодательной формулировки правила о допустимости доказательств» [53, с. 13].

Представляется, что по большому счёту позицию В.В. Терехова необходимо понимать как предложение закрепить в законе общие стандарты допустимости, критерии, на предмет которых должна осуществляться оценка

доказательств (в аспекте их допустимости), при этом, такие критерии (стандарты) должны образовать для правоприменителя (сторон по делу и суда) широкий «простор», который позволит принимать решения о допустимости или недопустимости конкретного доказательства, исходя из конкретной ситуации, а в особо сложных ситуациях – исходя из критерия справедливости. В целом, данная позиция схода с утверждением о необходимости формирования большего судебного усмотрения в вопросе допустимости доказательств и отхода от исключительно формального подхода к проверке их допустимости.

Кроме этого, обращает на себя внимание и предложенный С.А. Сущенко критерий недопустимости доказательств, предоставляемой стороной защиты. Так, учёная предлагает дополнить часть вторую ст. 75 УПК РФ пунктом четвёртым следующего содержания: «4. Представляемые стороной защиты доказательства могут быть признаны недопустимыми, если при их собирании были допущены действия, запрещённые настоящим законом» [51, с. 14]. Кроме того, С.А. Сущенко предлагает изменить связанную с этим положением ч. 3 ст. 86 УПК РФ регулиующую вопрос собирания доказательств стороной защиты следующим образом: «Защитник вправе собирать доказательства любыми не запрещёнными законом способами» [51, с. 13].

В настоящий момент, закон предусматривает «закрытый» перечень способов собирания защитником доказательств: это получение предметов, документов и других сведений, опрос лиц, получение справок, характеристик и других документов. Получается, что доказательство, полученное иным способом, или несоответствующее предусмотренной в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, форме, должны быть признаны недопустимыми по уголовному делу. Данное положение дел представляется не вполне обоснованным, поскольку явно ограничивают подозреваемого и обвиняемого в реализации их права на защиту, а также возможности защитника по её осуществлению. В данном случае, подход дозволительного характера по принципу разрешено всё, что

прямо не запрещено законом, представляется вполне допустимым и приемлемым.

В обоснование данного мнения укажем, что согласно п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, защитнику предоставлено право использовать любые, в том числе, не поименованные способы защиты, которые не запрещены УПК РФ. В связи с этим, в настоящий момент, осуществление защиты способом получения новых доказательств возможно только не нарушая правило ч. 3 ст. 86 УПК РФ о способах их получения.

Все другие способы получения доказательств, даже если они не нарушают ни чьих прав и законных интересов, не нарушают закон в целом (кроме ч. 3 ст. 86 УПК РФ), приводят к получению недопустимых доказательств, которые недопустимы исключительно по «формальному» признаку.

Исходя из этого, необходимо согласиться с С.А. Сущенко и другими учёными о необходимости расширения возможностей стороны защиты по поиску и предоставлению доказательств в части установления «дозволительного критерия» допустимости предоставленных стороной защиты доказательств.

В подведение итогов рассмотрения вопроса об использовании в уголовном процессе электронных доказательств, отметим, что фактически такие доказательства уже активно используются, облачаясь в процессуальную форму вещественных доказательств или иных документов, однако на данный момент существует актуальная необходимость осмысления их существа, а также выработки правил и особенностей их содержания, особых требований к их допустимости.

При этом, учитывая возможность более кардинальной реформы доказательственного права, вполне обоснованным выглядит изменение подхода к определению доказательства в уголовном процессе таким образом, чтобы не оставалось никакого сомнения относительно возможности вовлечения таких сведений в сферу доказательств в уголовном процессе.

При этом необходимо понимать, что схожий вопрос о статусе электронных доказательств существует и в арбитражном, гражданском и административном процессе.

Во всех случаях электронный файл, содержащий в себе информацию, имеющую доказательственное значение, одинаков в силу своих физико-химических свойств, обладает одинаковой степенью надёжности и возможностями по вмешательству «извне».

В связи с этим, понимание «сущности» электронного файла содержащего в себе доказательственную информацию в цифровом виде не может и не должно принципиально отличаться. При этом данное утверждение не распространяется на вопросы процедуры получения и оценки таких доказательств, которые должны следовать из специфики соответствующих видов судопроизводств.

Таким образом, законодательные и правоприменительные подходы к применению института недопустимости доказательств в отечественном уголовном процессе требуют своего пересмотра. Основами такой «реформы» должен выступить опыт практического и теоретического познания, накопленный за многие десятилетия применения отечественной концепции уголовно-процессуального законодательства, а также опыт изучения наиболее развитых правовых систем зарубежных государств. Наиболее перспективным направлением реформы критериев допустимости в уголовном процессе будет переход к содержательному подходу в оценке допущенного нарушения процессуальной формы полученного доказательства и его влияние на права и свободы участников процесса, а также достоверность полученного результата.

## Заключение

В результате написания данного параграфа, были сделаны следующие выводы и предложения.

Выявлены неточности в законодательном определении доказательств в уголовном процессе, которые образуют противоречия с другими положениями УПК РФ о доказательствах. Речь идёт о формулировке «любые сведения», который законодатель применил, отойдя от устоявшейся в советский период и признаваемой многими учёными концепции доказательств как «фактических данных». Противоречие «любых сведений» заключается в том, что они не могут быть любыми, поскольку уже ч. 2 ст. 74 УПК РФ представляется «закрытый» перечень видов и форм доказательств, а, следовательно, доказательствами могут быть только те сведения, которые облачены в одну из перечисленных процессуальных форм. Таким образом, термин «любые сведения» должен быть скорректирован в «сведения».

Предложения учёных о включении в понятие доказательств признака достоверности не обоснованы, поскольку достоверность это один из элементов (аспектов) оценки тех сведений, которые уже вовлечены в уголовный процесс в качестве доказательств. Результат такой оценки проявляется на каждом этапе уголовного судопроизводства, сначала следователем, прокурором, а, в последствии, - судом. Окончательно достоверность доказательства должна быть оценена судом в итоговом решении по уголовному делу. При этом никакого «процессуального решения» о признании полученных сведений недостоверными уголовно-процессуальное право не предусматривает, в отличие от признания их недопустимыми. По этой логике, кроме достоверности, легальное определение доказательства должно содержать такие признаки, как допустимость и относимость, а в совокупности – достаточность.

Сущность доказательства определяется через соединение его содержания в виде сведений и формы как внешнего выражения, способа

существования таких сведений. Форму доказательства и его источник необходимо разделить, поскольку источник – это объект материального мира, носитель информации, которая была обнаружена и зафиксирована, облачена в одну из предусмотренных процессуальных форм, став тем самым доказательством.

Таким образом, доказательство может быть определено как сведения, облаченные в предусмотренную УПК РФ процессуальную форму, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Одной из наиболее распространённых классификаций доказательств является их деление на прямые или косвенные. Существует два основных подхода к пониманию оснований для такой классификации. Первый предполагает их деление на прямые и косвенные на основании наличия или отсутствия прямой непосредственной связи с обстоятельством, которое подлежит доказыванию. Вторым подходом является определение прямых доказательств, как таких, которые относятся к решению главного вопроса о виновности или невиновности лица, а применительно к остальным обстоятельствам – все подтверждающие или опровергающие из доказательства считаются косвенными. Правильным является первый подход, поскольку затруднительно представить ситуацию, когда доказательство, имеющее опосредованную связь с разрешением вопроса о виновности лица, могут быть оценены как прямые. В данной ситуации необходимо исходить из того, что деление доказательств на прямые и косвенные, в большей степени, является потребностью правоприменительной практики и её же изначально и было выработано, а, в последствии, подвержено научному познанию. Необходимость оценки доказательств в качестве прямых и косвенных, связано с конкретным обстоятельством, которое подлежит доказыванию.

Законодательные и правоприменительные подходы к применению института недопустимости доказательств в отечественном уголовном процессе требуют своего пересмотра. Основами такой «реформы» должен выступить опыт практического и теоретического познания, накопленный за многие десятилетия применения отечественной концепции уголовно-процессуального законодательства, а также опыт изучения наиболее развитых правовых систем зарубежных государств. Как и отечественная правоприменительная практика, так и зарубежный опыт, показывают, что применение принципа формального подхода к оценке допустимости доказательства является далёким от совершенства, поскольку позволяет, с одной стороны, допускать в сферу уголовного процесса доказательства, полученные с формальной стороны «безупречно», не разбираюсь в сущностном содержании таких доказательств, а с другой стороны – признавать недопустимыми часть доказательств, в силу формального нарушения порядка их получения, не смотря на «малозначительность» такого нарушения.

Наиболее обоснованным выглядит оценка допустимости доказательств на предмет их соответствия критерию соблюдения прав и свобод личности, закреплённых в Конституции РФ, а также основополагающим конституционным принципам и принципам, закреплённым в уголовном процессуальном законодательстве.

Таким образом, ч. 1 ст. 75 УПК РФ, предлагается сформулировать в следующей редакции «недопустимыми доказательствами признаются те доказательства, которые были получены с нарушением конституционных прав и свобод личности, а также нарушающие принципы уголовного судопроизводства».

При этом категорию «принципы уголовного судопроизводства» необходимо понимать расширено, поскольку, как известно, УПК РФ, среди прочего основано и на Конституции РФ, нормы-принципы последней также должны обладать прямым действием.

Принятие такого нововведение повлечёт за собой необходимость установление судебных стандартов определения нарушений порядка получения доказательств, как таких, которые нарушают или не нарушают права и свободы личности, противоречат или не противоречат принципам уголовного судопроизводства. Это обстоятельство ещё в большей степени повышает роль судебной практики в правильном понимании и толковании уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, принятие таких нововведений, актуализирует установление полного перечня основных принципов уголовного судопроизводства и их полноценной закреплению в общих положениях УПК РФ.

Учитывая принцип состязательности, а также всеобщую конституционную обязанность для всех без исключения на территории России, соблюдать её Конституцию и законы (ч. 2 ст. 15), требование о законности в деятельности стороны защиты, в том числе, в процессе доказывания, также должны иметь место. В связи с этим, ст. 75 УПК РФ, устанавливающую критерий недопустимости доказательств, необходимо дополнить частью четвёртой следующего содержания:

«4. Предоставляемые стороной защиты доказательства могут быть признаны недопустимыми, если при их собирании были допущены действия, запрещённые законом».

По результатам рассмотрения вопроса оценки результатов ОРД установлено, что, кроме соответствия требованиям, предъявляемым для доказательств в уголовном судопроизводстве, последние должны соответствовать и требованиям, предъявляемым оперативно-розыскным законодательством. В качестве обоснования укажем на ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, которая предписывает всем без исключения, в том числе и органам государственной власти, соблюдать Конституцию и законы России. В совокупности с ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, которая указывает на недопустимость использования при отправлении правосудия «доказательств, полученных с нарушением федерального закона», данные положения



указывают на необходимость признания результатов ОРД, полученных в нарушении требований оперативно-розыскного законодательства, недопустимыми в силу прямого действия положений Конституции РФ, в независимости от содержания норм УПК РФ. В целом же, наличие такого «противоречия» между Конституцией и федеральным законом на таком уровне, водиться неприемлемым и должно быть устранено способом приведения норм УПК РФ в соответствие с Конституцией РФ.

Предложения об изменении редакции ст. 89 УПК РФ, и включении в них такого критерия допустимости доказательств, как их соответствия требованиям оперативно-розыскного законодательства, вполне обосновано. В связи с этим, предлагается следующая редакция ст. 89 УПК РФ:

«Статья 89. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности

В процессе доказывания допускается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они были получены в порядке, предусмотренном законодательством об оперативно-розыскной деятельности, и отвечают другим требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом, в том числе критериям относимости, допустимости, достоверности».

Электронные доказательства уже используются, облачаясь в процессуальную форму вещественных доказательств или иных документов, однако на данный момент существует актуальная необходимость осмысления их существа, а также выработки правил и особенностей их содержания, особых требований к их допустимости.

## Список используемой литературы и используемых источников

1. Александров А. С., Кувычков С. И. О надежности «электронных доказательств» в уголовном процессе // URL: <https://docplayer.ru/26470841-Onadezhnosti-elektronnyh-dokazatelstv-v-ugolovnom-processe.html>. (дата обращения: 11.07.2021).
2. Апелляционное постановление № 22-4871/2020 от 28 декабря 2020 г. по делу № 1-778/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cwBZDP3p6amv/> (дата обращения: 23.07.2021)
3. Апелляционное постановление № 22-4935/2020 от 24 декабря 2020 г. по делу № 1-398/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/db3XxisT4FmQ/> (дата обращения: 23.07.2021)
4. Апелляционное постановление № 22-8366/2020 от 22 декабря 2020 г. по делу № 1-255/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jz9uE9FF7ngB/> (дата обращения: 23.07.2021)
5. Апелляционное постановление № 22-2231/2020 от 21 декабря 2020 г. по делу № 1-297/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/r50hV7UzIEmG/> (дата обращения: 23.07.2021)
6. Апелляционное постановление № 22-4981/2020 от 21 декабря 2020 г. по делу № 1-361/2020 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1whjGUSifRW8/> (дата обращения: 23.07.2021)
7. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России. М., 1998. 148 с.
8. Биляев В.А. О необходимости законодательного закрепления процессуального статуса оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве России (правовой аспект) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. №4. С. 223-233.
9. Балакшин В.С. Доказательства в российском уголовном процессе: понятие, сущность, классификация. Екатеринбург, 2002. 201 с.

10. Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991. 208 с.
11. Брянская Е.В. Аргументирующая сила доказательств при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: монография / Е.В. Брянская. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. 193 с.
12. Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex Russica. 2019. № 7. С. 74-84.
13. Власова Н.А. Перечень доказательств -это краткое изложение сведений, содержащихся в том или ином источнике // Рос. юстиция. 2003. № 9. С. 54-64.
14. Григорьев В.Н. Некоторые суждения о результатах оперативно-розыскной деятельности // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 47-52
15. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. 77 с.
16. Галяшина Е.И. Оценка достоверности цифровых фонограмм в уголовном процессе // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве : материалы Междунар. науч.-практ. конференции, посвящ. памяти д-ра юрид. наук, проф. Полины Абрамовны Лупинской : сборник науч. трудов. М. : Элит, 2011. 450 с.
17. Громов Н.А. Уголовный процесс России: учеб. пособие. М., 1998. 420 с.
18. Григорьева Н.В. Исключение из разбирательства дела недопустимых доказательств // Рос. юстиция. 1995. № 11. С. 77-79.
19. Дорохов В.Я. Понятие доказательств в советском уголовном процессе // Сов. государство и право. 1964. № 9. С. 24-30.
20. Зигура Н.А., Кудрявцева А.В. Компьютерная информация как вид доказательства в уголовном процессе России : монография. М., 2011. 188 с.
21. Костенко Р.Е. Доказательства в уголовном процессе : концептуальные подходы и перспективы правового регулирования :

автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.09 / С.-Петерб. ун-т МВД РФ. - Санкт-Петербург, 2006. 35 с.

22. Костенко Р.В. Второе правило допустимости доказательств в российском уголовном процессе // Общество и право. 2014. № 4. С. 184-188.

23. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. 160 с.

24. Курс советского уголовного процесса / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. 321 с.

25. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. согл. Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144.

26. Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: лекции-очерки / под ред. В.М. Савицкого. М., 1997. 67 с.

27. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практич. пособие. - М. : Издательство Юрайт, Высшее образование. 2010. 184 с.

28. Lupinская П. А. Рассмотрение дел судом присяжных / научно-практическое пособие для судей / П.А. Lupinская, Л.Г. Поспеева и др.; Отв. ред.: Лебедев В.М. - М. : Юрид. лит., 1998. 288 с.

29. Левченко О.В. Классификация доказательств в уголовном процессе // Вестник ОГУ. 2013. № 3. С. 111-114.

30. Левченко О.В. Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и ее совершенствование: дис. ... д-ра юрид. наук. Астрахань, 2004. 223 с.

31. Мезинов Д.А. К вопросу об основании классификации доказательств на прямые и косвенные // Уголовная юстиция. 2015. № 2. С. 26-30.

32. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект. 2008. 530 с.

33. Мамедов Р.Я. Сущность, понятие, содержание вещественных доказательств // Вестник КРУ МВД России. 2012. № 2 С. 72-77.

34. Нагоева М.А. Проблемы допустимости доказательств в уголовном процессе // Общество: политика, экономика, право. 2016. №5. С. 127-129.

35. Нагоева М.А. Некоторые аспекты производства отдельных следственных действий при расследовании терроризма // Там же. 2014. № 10. С. 168-170.

36. Некрасов С.В. Юридическая сила доказательств в уголовном судопроизводстве. - М. : Экзамен, 2004. 88 с.

37. Нгуен Тхи Нгок Иен. Доказательства и доказывание в уголовном процессе социалистической Республики Вьетнам и Российской Федерации : сравнительно-правовое исследование : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09. Москва, 2018. 30 с.

38. Озеров И.Н., Черкасова Е.А., Капустина И.Ю. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве: сущность и значение // ППД. 2013. №2. С. 67-70.

39. Оконенко Р.И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 166 с.

40. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1981. 187 с.

41. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М. : Юрист, 2009. 150 с.

42. Основы теории электронных доказательств : монография / под ред. д-ра юрид. наук С. В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2019. 123 с.

43. Определение Конституционного Суда РФ от 04.02.1999 г. № 18-0 «По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», п. 4 // СПС «Консультант Плюс»

44. Пастухов П.С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // СПС «КонсультантПлюс».

45. Петрухин И.Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964. 132 с.

46. Постановление Пленума ВС РФ № 55 от 29 ноября 2016 года «О судебном приговоре» // СПС «Консультант Плюс».

47. Рogaва И.Г. Кругликова Д.А. Доказательства в уголовном судопроизводстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 1-2. С. 169-171.

48. Рogaва И.Г., Яловая Д.В. Допустимость как свойство доказательств в уголовном судопроизводстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. №2-2. С. 173-175.

49. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник (4-е издание, переработанное и дополненное) / под общ. ред. А.В. Смирнова. - М. : «КНОРУС», 2008 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». 2013.

50. Стельмах В.Ю. Некоторые проблемы допустимости результатов оперативно-розыскной деятельности как доказательств по уголовным делам // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 3. С. 29-35.

51. Сущенко С.А. Недопустимость доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и зарубежных государств англо-американской и континентальной правовых семей: сравнительно-правовое исследование : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09. Москва, 2020. 25 с.

52. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. 210 с.

53. Терехин В.В. Допустимость доказательств в уголовном процессе : методологический, правовой, этический аспекты : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.09. Нижний Новгород, 2016. 52 с.

54. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. М., 1973. 174 с.

55. Уткин В.В. Использование в судебном доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09. Нижний Новгород, 2020. 26 с.

56. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П.А. Лупинской. М., 1998. 454 с.

57. Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. - М.: Спарк, 2002

58. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. ФЗ от 1 июля 2021 г. № 294-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

59. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.04.1960 года (Утратил силу) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1960. № 40. Ст. 592.

60. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань: Изд - во Казанского ун - та, 1973. 18 с.

61. Философия: Энциклопедический словарь. - М. : Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004. URL: [https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc\\_philosophy/354/ДОСТОВЕРНОСТЬ](https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/354/ДОСТОВЕРНОСТЬ) (дата обращения: 10.07.2021)

62. Чистанов Т.О., Карпинчик А.В. Практические проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 26. С. 114-119.

63. Шамаев А.М. Роль следственно-оперативной группы при расследовании преступлений террористической направленности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 138-140.

64. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. - М. : НОРМА, 2009 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2013.

65. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Тольятти, 1997. 163 с.

66. Шейфер С.А. Проблемы допустимости доказательств требуют дальнейшей разработки // Государство и право. 2001. № 10. 60-62.

67. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С.А. Шейфер. - М., 1981. 208 с.

68. Шаматульский И.А. О едином подходе к целям и задачам уголовного права и оперативно-розыскной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 1 С. 200-209.

69. Шелегов Ю.В. Использование косвенных доказательств в уголовном процессе : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09. Москва, 2016. 33 с.

70. Элькинд П.С. Нормы уголовно-процессуального права и некоторые вопросы их применения. Киев, 1961. 142 с.